

РОССИЯ В ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ XX ВЕКА

Т. И. Морозова, В. И. Шишкин

Призывы беспартийных в РКП(б) — ВКП(б) во время Гражданской войны и новой экономической политики: феномен инспирированной мобильности¹

***Морозова
Татьяна
Игоревна,***
кандидат
исторических наук,
младший научный
сотрудник, Институт
истории Сибирского
отделения РАН
(Новосибирск)

***Шишкин
Владимир
Иванович,***
доктор исторических
наук, заведующий
сектором истории
общественно-
политического
развития, Институт
истории Сибирского
отделения РАН
(Новосибирск)

Социальная мобильность, ее объемы, интенсивность, векторы, ритмы, цикличность являются важнейшими показателями состояния любой общественной системы. Исследователи выделяют различные виды социальной мобильности: индивидуальную и групповую, горизонтальную и вертикальную, восходящую и нисходящую, добровольную и вынужденную, организованную и стихийную. Преобладание того или иного вида социальных перемещений всегда характеризует как систему и состояние общественных институтов, которые его обеспечивают, так и само общество в целом.

В ряду особенностей советского общества в первую четверть века его существования исследователи обнаружили преобладание искусственной мобильности над ее естественными, органическими формами. Для характеристики протекавших в нем социальных процессов историки и социологи, как правило, использовали термин «вынужденная мобильность». Представляется, однако, что природа социальных перемещений в Советской России на самом деле была гораздо многообразнее и сложнее. Коммунистическая партия обладала широким набором механизмов и инструментов, позволявших ей управлять обществом, комбинируя применение методов убеждения и принуждения, поощрения и наказания. При необходимости руководство РКП(б) — ВКП(б) довольно

искусно вызывало мобильность социальных, национальных и конфессиональных групп, решая благодаря этому самые разные идеологические, политические и экономические задачи. Этот вид социальных перемещений, подготовленных и/или спровоцированных властью, но внешне носивших, казалось бы, добровольный характер, правильнее квалифицировать не как вынужденную, а как инспирированную мобильность — своеобразную разновидность социального инжиниринга.

Одним из проявлений инспирированной мобильности в раннем советском обществе являлись массовые призывы беспартийных в ряды правящей партии. Впервые такой метод пополнения РКП(б) был апробирован партийным руководством высшего и среднего уровня еще в конце 1919 г. Он получил название «партийная неделя». Впоследствии данный метод расширения большевистских рядов Центральный комитет использовал во время так называемого ленинского призыва 1924 г. и октябрьского призыва конца 1927 — начала 1928 г. Рост численности РКП(б) — ВКП(б) за счет четко маркированных групп населения и одновременное увеличение в ее составе удельного веса рабочих являлись двумя главными целями указанных акций. Общность целей позволяет квалифицировать эти кампании как идентичные общественно-политические явления, имевшие преемственность и внутреннее единство, и рассматривать их в одном событийном ряду.

Начало специальному исследованию «партийных недель» периода Гражданской войны, ленинского и октябрьского призывов было положено в советской историографии позднего сталинизма². Затем оно получило дальнейшее развитие на излете хрущевской оттепели³ и нашло логическое завершение в эпоху правления Л. И. Брежнева⁴, видимо, исчерпав в данной парадигме актуальность, источниковую базу, а также достигнув своего концептуального предела.

Советские историки выясняли причины проведения «партийных недель» и последующих призывов, численность принятых во время этих кампаний в РКП(б) — ВКП(б) рабочих, крестьян и красноармейцев, проанализировали основные формы организации общего и политического просвещения «молодых» коммунистов, а также их первичную политическую адаптацию и результаты вовлечения в партийную, советскую и общественную работу. В советской историографии утверждалось, что эти кампании носили добровольный характер и были проявлением исключительно политической сознательности и искреннего желания трудящихся войти в коммунистическую партию. Другим лейтмотивом советской историографии был тезис о том, что во время призывов в партию вступали передовые и наиболее сознательные рабочие, красноармейцы и крестьяне, что способствовало улучшению ее состава.

В зарубежной историографии попутно нашел отражение только ленинский призыв. Причины его проведения западные историки трактовали иначе. Они высказали мысль о том, что кампания ленинского призыва была организована сверху под влиянием внутривнутрипартийной борьбы⁵. Российские исследователи, развивая идею зарубежных коллег, показали, что ленинский призыв был инициирован сторонниками И. В. Сталина с целью ослабления политических позиций Л. Д. Троцкого⁶, а прием в партию носил характер «записи с жесткими элементами социального регулирования»⁷.

Представляется, что в значительной коррекции нуждаются и выводы советских историков по вопросу о «партийных неделях» и октябрьском призыве 1927 г.

В частности, следует выяснить их подлинные, а не мнимые цели; более тщательно изучить совокупность методов и приемов, с использованием которых осуществлялись эти призывы; понять их реальные, а не пропагандистские результаты и в первую очередь определить качество того человеческого материала, который получила партия в ходе призывных кампаний; установить, почему в конце 1920-х гг. ЦК партии отказался от такого способа пополнения коммунистических рядов. Без ответов на эти вопросы невозможно ни понять специфику инспирированной мобильности в раннем советском обществе, ни объективно оценить эффективность данного вида социальных перемещений.

«Партийные недели». Большевистская партия, созданная изначально как организация профессиональных революционеров, в ходе революции и Гражданской войны претерпела существенные изменения. Только с января 1917 по март 1919 г. РСДРП(б) — РКП(б) выросла с 23,6 тыс. до 350,0 тыс. чел. В результате она превратилась в массовую политическую партию. Столь быстрый рост ее численности был обусловлен как повышением общественно-политической активности трудящегося населения в результате революционных событий, так и усилиями большевиков через расширение рядов укрепить свои политические позиции. В условиях Гражданской войны они постоянно нуждались в резервах для пополнения Красной армии и в поддержке со стороны трудящихся на местах. Учитывая политические и военные реалии, состоявшийся в марте 1919 г. VIII съезд РКП(б) признал необходимым активизировать приток в партию рабочей и крестьянской молодежи⁸.

Первой к исполнению решения съезда в силу острой необходимости приступила Петроградская партийная организация. Угроза «красному» Петрограду, которую представляла белогвардейская Северо-Западная армия, потребовала от большевиков срочной мобилизации всех доступных сил и средств. С этой целью с 10 по 17 августа 1919 г. они провели в городе специальную акцию, которую назвали «партийной неделей». Была поставлена задача вовлечь в РКП(б) максимальное количество пролетариев и красноармейцев, готовых в большевистских рядах отстаивать советскую власть на фронте.

Затем с 31 августа по 7 сентября аналогичную кампанию провел Астраханский горком РКП(б), с 20 по 28 сентября — Московская губернская парторганизация. Судя по всему, эти акции прошли настолько успешно, что уже 26 сентября 1919 г. пленум ЦК принял решение провести аналогичные «партийные недели» также в других организациях, предоставив их руководству самостоятельно решить вопрос о сроках кампании в зависимости от местных условий⁹.

Согласно постановлению пленума ЦК, партийным организациям рекомендовалось «широко распахнуть двери перед рабочими, красноармейцами и крестьянами». В порядке реализации этой установки для названных категорий населения на время «партийной недели» отменялось предусмотренное Уставом РКП(б) требование о предоставлении рекомендаций двух коммунистов.

Руководство РКП(б) хорошо понимало, что только снижения требований при вступлении в РКП(б) для достижения нужного результата будет явно недостаточно. Надлежало объяснить трудящимся угрозу, которую представляли для советской власти войска генерала А. И. Деникина, и убедить трудящихся в необходимости немедленно вступить в коммунистические ряды. Поэтому главным содержанием

«партийных недель» стала широкомасштабная агитационно-пропагандистская кампания.

Как всегда в таких случаях, тон задавала столичная и местная партийно-советская печать, сделавшая «партийную неделю» своей приоритетной темой. В свою очередь комитеты РКП(б) разного уровня и комячейки срочно мобилизовали и направили коммунистический актив и часть рядовых членов на фабрики и заводы, в мастерские и цеха, в учреждения и дома культуры, на вокзалы и в общежития, в казармы и госпитали. Там они занялись организацией митингов, митингов-концертов, собраний и манифестаций, распространяли Программу РКП(б) и другую коммунистическую литературу, выступали с лекциями, делали доклады, проводили беседы, в ходе которых разъясняли беспартийным, что такое коммунистическая партия и советская власть, их цели и задачи, почему, между кем и за что идет Гражданская война.

В Москве, где имелась самая крупная в РКП(б) парторганизация, насчитывавшая примерно два десятка тысяч коммунистов, практиковались даже индивидуальные беседы с беспартийными, в том числе по месту жительства и при обходе домов. В воскресенье в столичных кинематографах устраивались бесплатные киносеансы, во время которых в перерывах выступали ораторы-коммунисты. Агитаторы и пропагандисты всегда выражали твердую уверенность в разгроме контрреволюции. В то же время они нередко сознательно утрировали политическую ситуацию и преувеличивали опасность реставрации самодержавия в случае поражения большевиков и победы контрреволюции.

Случалось, на митингах трибуна для выступления предоставлялась безымянным ораторам, которые рассказывали слушателям небылицы о том, как невыносимо тяжело живет рабочему люду под властью денкинцев, или о зверствах, которые творили казаки-белогвардейцы во время рейда Донского корпуса К. К. Мамантова по тылам красных¹⁰. На самом крупном предприятии Симбирска — патронном заводе, насчитывавшем около 6,5 тыс. рабочих, — накануне «партийной недели» были запущены слухи о принудительной записи в РКП(б) и вероятности увольнения с завода тех, кто не подаст заявление о вступлении в партию¹¹.

Как следствие, везде, где проводились «партийные недели», масштабы проделанной в авральном режиме политической работы среди населения намного превосходили традиционные текущие показатели. Только в Москве с 3 по 19 октября 1919 г. было проведено 1235 митингов, на которых присутствовали 284,4 тыс. чел.¹²

Серьезное психологическое значение, облегчавшее принятие беспартийными решения о вступлении в РКП(б), имело еще одно изменение условий приема, которое не афишировалось и имело, казалось бы, чисто технический характер. Вместо индивидуального обращения в комячейку с просьбой принять в ряды РКП(б) было разрешено подавать коллективные заявления. На некоторых заводах, фабриках, в казармах поступали еще проще: всех желавших вступить в РКП(б) вносили в специальные списки, которые после их подписания давшими такое согласие передавали на утверждение местной комячейки или районного партийного комитета. Такой порядок являлся отступлением от нормы Устава и еще одним снижением требований к вступающим в партию, однако он гарантировал более быстрый и высокий количественный результат.

Благодаря проведению «партийных недель» многие городские, губернские и уездные партийные организации европейской части РСФСР существенно увеличили свои ряды. В губернских городах наибольшее количество беспартийных вступило в РКП(б) в Москве (14 581 чел.), Саратове (9500), Петрограде (5839), Ярославле (5395) и Смоленске (4854), в уездных городах — в Моршанске Тамбовской губернии (1406 чел.), в губернских организациях (без губернских городов) — в Екатеринбургской (13 625 чел.), Ярославской (10 085) и Пермской (10 079), в уездных организациях — в Пошехонско-Володарской Ярославской губернии (1420, из них 1007 крестьян), Козловской Тамбовской губернии (731, из них 84 крестьянина), Саранской Пензенской губернии (464, из них 355 крестьян). Всего же в ходе «партийной недели» только в 38 губерниях европейской части Советской России вступило в РКП(б) не менее 200 тыс. чел.¹³

После освобождения Урала, Сибири и Туркестана от белогвардейцев и восстановления в них советской власти «партийные недели» были организованы также рядом местных губернских парторганизаций этих территорий. Но здесь они имели некоторые особенности. Например, в Сибири, около 90 % населения которой составляли сельские жители, принимать в РКП(б) с отступлением от требований Устава было разрешено только рабочих и красноармейцев. В результате с февраля 1920 по январь 1921 г. в городах Иркутск, Красноярск, Новониколаевск, Омск, Томск и Якутск удалось вовлечь в партию около 10 тыс. чел.¹⁴

В. И. Ленин внимательно следил за тем, как проходила «партийная неделя» в Москве. Получив информацию о вступлении в РКП(б) 13,6 тыс. чел., он 21 октября 1919 г. отреагировал на это сообщение специальной статьей «Итоги партийной недели в Москве и наши задачи». Не скрывая своей радости, В. И. Ленин оценил результаты «недели» как «успех громадный», «прямо-таки замечательный», но искренне признал — «совершенно неожиданный»¹⁵.

Главную причину успеха «партийной недели» в Москве В. И. Ленин объяснил тем, что «из пролетарской массы» «поднялись тысячи и тысячи для подкрепления партии коммунистов»¹⁶. Представляется, что такая трактовка не вполне соответствовала действительности. На самом деле основным контингентом вступивших в РКП(б) в Москве во время «недели» были красноармейцы (7591 чел., или 52,1 %), большинство которых составляли не рабочие, а крестьяне. На один процент выше по сравнению со столицей оказался удельный вес записавшихся в РКП(б) красноармейцев в губернских городах. Красноармейцы были самой многочисленной категорией среди вступивших в партию во Владимире, Пензе, Перми, Рязани, Саратове, Смоленске, Тамбове, Твери, Туле и Ярославле¹⁷.

Более решительная политическая поддержка, оказанная РКП(б) в ходе «партийных недель» красноармейцами из крестьян по сравнению с пролетариями, вполне понятна. Она объясняется совокупностью объективных обстоятельств, в которых находилась служившая в Красной армии крестьянская молодежь, не имевшая ни образования, ни достаточного жизненного опыта: казарменное положение, армейская дисциплина, систематическая политическая обработка со стороны военных комиссаров и комячеек. Названные факторы не могли не повлиять на беспартийных красноармейцев в благоприятную для РКП(б) сторону.

В. И. Ленин, однако, предпочел не заметить решающего вклада красноармейцев-крестьян в рост численности рядов столичной организации РКП(б). Не обратил он внимание и на большое количество и довольно высокий удельный вес женщин-работниц (соответственно 2343 чел. и 16,1 %) в составе подавших в Москве заявление о вступлении в партию. По губернским городам последний показатель был немного ниже — около 14,0 %. Собственно рабочих-мужчин среди вступивших в РКП(б) в Москве оказалось всего лишь 4642 чел., что составило 31,8 %. По губернским городам доля рабочих была несколько выше и равнялась примерно 33 %¹⁸.

Тем не менее свой публицистический талант В. И. Ленин использовал для того, чтобы убедить читателей в наличии у большевиков прочной поддержки именно со стороны рабочих Москвы. В. И. Ленин не скупился на комплименты в адрес столичных пролетариев за то, что они откликнулись на призыв вступить в РКП(б). Однако он был вынужден констатировать «неподготовленность и неопытность» свежее испеченных коммунистов, а также признать, что в большинстве своем они «в деле государственного управления неумелы». Исходя из этого, В. И. Ленин поставил перед парторганизациями Москвы задачу «позаботиться теперь о том, чтобы правильно использовать новых членов партии»¹⁹.

Массовый прием в РКП(б) во время «партийной недели» в ряде парторганизаций привел не только к увеличению численности их рядов, но и к изменению состава, особенно существенно повлияв на соотношение «старых» и «молодых» коммунистов. Больше всего эта пропорция в пользу «молодежи» изменилась в Симбирской губернской парторганизации, в которой до проведения «недели» числилось 1467 чел., а вступило во время кампании около семи тысяч, в Ярославской — соответственно 2331 и 15 480, в Смоленской — 2566 и 8498, в Екатеринбургской — 6186 и 17 700 и в Петербургской — 8246 и 13 572 чел.²⁰

Быстро обнаружилось также, что пришедшее пополнение ухудшило качественный состав РКП(б) сразу в двух отношениях: удельный вес рабочих не повысился, а, напротив, снизился; одновременно резко увеличился процент коммунистов, которые не вели никакой партийно-советской работы и по умолчанию считались балластом. Если до «партийной недели» таковых было примерно 20 %, то после ее проведения стало около 60 %.

Общественная пассивность новых членов РКП(б) во многом являлась следствием их элементарной и политической неграмотности, для преодоления которой почти во всех губернских центрах были срочно организованы партийно-советские школы, курсы и другие формы обучения. В условиях дефицита опытных и квалифицированных кадров перед их слушателями и выпускниками в принципе открывались хорошие перспективы быстро занять должности в стремительно разраставшемся партийном, советском и профсоюзном аппарате и повысить свой социальный статус.

Снижение требований при приеме в РКП(б) открыло двери не только для тех, кто сделал свой выбор осознанно и всерьез. Среди вступивших было немало таких, кто подал заявление по настроению, под влиянием агитации, психологического давления со стороны коммунистов или за «компанию» с другими, без понимания того, что из себя представляла РКП(б), какие обязанности накладывало членство

в ней. Не преминули воспользоваться благоприятной ситуацией разного рода авантюристы и даже уголовные элементы.

Пожалуй, наиболее неудачно прошла «партийная неделя» в незадолго до того освобожденной от колчаковцев Тюменской губернии. Здесь «молодые» коммунисты губернского центра игнорировали участие в субботниках и занятия в отряде особого назначения; фабрично-заводские комячейки настаивали на выплате им компенсации при национализации предприятий, мотивируя свои требования тем, что эти предприятия являются их коллективной собственностью; сельские и волостные ячейки саботировали просьбу губпродкома о помощи в проведении продразверстки и, даже наоборот, подстрекали население не выполнять ее. Более того, по данным руководства местной губчека по борьбе с контрреволюцией в партийную организацию смогли вступить около 130 уголовников.

Принимая во внимание создавшуюся обстановку, 4 февраля 1920 г. губернский комитет РКП(б) при участии ответственных работников Тюмени, большинство которых прибыло из Центра, принял решение ходатайствовать перед ЦК партии о предоставлении ему разрешения безотлагательно произвести перерегистрацию всей Тюменской губернской парторганизации. 13 февраля, поскольку ситуация в Тюмени продолжала ухудшаться, губернский и городской комитеты РКП(б) и губернский военно-революционный комитет постановили просить высшие партийные и советские инстанции Сибири — Сибирское областное бюро РКП(б) и Сибирский революционный комитет — распустить Тюменскую губернскую парторганизацию. 17 февраля совместное собрание губкома, губвоенревкома и ответственных работников постановило считать Тюменскую организацию РКП(б) распущенной²¹.

В других губерниях с «молодыми» коммунистами вскоре тоже возникли проблемы и трудности. Одни рабочие, крестьяне и красноармейцы, вступившие в РКП(б) в ходе «партийных недель», были исключены из нее в ходе перерегистраций и в процессе текущей работы за несоблюдение требований Устава и внутривнутрипартийной дисциплины: неуплату взносов, непосещение собраний, невыполнение поручений. Других «вычистили» из партии за нарушение законности: за пьянство, воровство, взяточничество, преступления по должности. Многие продолжали числиться в РКП(б), но не проявляли никакой общественной активности, тяготились своим членством в партии и ждали удобного момента для того, чтобы покинуть ее ряды. Некоторые выходили из партии по личной инициативе, мотивируя свое решение состоянием здоровья, семейными обстоятельствами, занятостью, а иногда и нежеланием быть коммунистом.

Выявленные данные ставят под сомнение главный вывод советской историографии, основанный на публицистических заявлениях В. И. Ленина, о «партийных неделях» как эффективном средстве улучшения качественного состава РКП(б). В действительности все обстояло совсем наоборот. Произошло явное ухудшение социального состава рядовой партийной массы, снижение ее образовательного уровня и уменьшение общественной активности. Но в опаснейшей ситуации осени 1919 г. не эти показатели имели решающее значение.

Гораздо важнее было то, что применение «партийных недель» позволило руководству РКП(б) решить две элементарные, но в тех условиях самые главные задачи. Прежде всего, благодаря их проведению удалось довольно быстро

увеличить численность рядов партии, удовлетворив тем самым возникшую на местах потребность в коммунистах, образовавшуюся из-за их ухода на фронт по мобилизациям.

Вступление десятков тысяч беспартийных в РКП(б) в то время, когда вопрос о существовании советской власти висел на волоске, имело колоссальный морально-психологический эффект. Оно продемонстрировало как бойцам и командирам Красной армии, находившимся на фронте, так и противнику наличие у коммунистов довольно надежного тыла. Это дает основание квалифицировать «партийные недели» как серьезную политическую операцию, успешное проведение которой стало одним из слагаемых победы большевиков над контрреволюцией.

Ленинский призыв. Проведенная во второй половине 1921 г. «генеральная» чистка РКП(б) показала, что за время пребывания партии у власти в нее вошли тысячи случайных и политически ненадежных людей. Но даже те, кто сохранил членский билет по итогам проверки, не в полной мере соответствовали требованиям вождя. На этом основании В. И. Ленин неоднократно настойчиво предлагал Политбюро ЦК принять меры для ограничения численного роста РКП(б), поставив во главу угла улучшение ее качественного состава за счет приема рабочих с многолетним производственным стажем.

Можно предположить, что В. И. Ленин идеализировал кадровых российских пролетариев, особенно их организованность, дисциплинированность и способность в решающий момент занять принципиальную позицию. Видимо, не случайно в новой редакции партийного Устава, утвержденной в августе 1922 г. XII конференцией РКП(б), ленинское требование не нашло отражения, а была использована более мягкая формулировка: партийным организациям вменялось в обязанность осуществлять прием в РКП(б) на строго индивидуальной основе с учетом социального положения кандидата и его принадлежности в прошлом к другим партиям.

Однако болезнь В. И. Ленина и развернувшаяся еще при его жизни борьба за власть резко изменили обстановку внутри РКП(б), из-за чего вопрос о пополнении рядов партии подвергся существенной коррекции. На состоявшейся 16–18 января 1924 г. XIII конференции РКП(б) член ЦКК Е. М. Ярославский публично обвинил Л. Д. Троцкого и его сторонников в ориентации не на рабочих, а на учащуюся молодежь²². Приписанное Л. Д. Троцкому противопоставление пролетариата и интеллигенции стало одним из ключевых аргументов, который был использован И. В. Сталиным и поддержавшими его членами Политбюро ЦК для обоснования курса на стремительное наращивание рабочего ядра в РКП(б). Решение конференции предписывало парторганизациям в течение года «из числа коренных пролетариев привлечь в ряды РКП(б) не менее чем 100 тыс. новых членов»²³. По сути дела, в завуалированной форме была дана директива о проведении специальной и достаточно масштабной по тем временам акции.

Смерть В. И. Ленина стала предлогом для того, чтобы намеченный план подвергнуть серьезным изменениям. 24 января 1924 г. на заседании Политбюро ЦК Г. Е. Зиновьев предложил организовать кампанию под лозунгом «отдать дань Ленину — значит вступить в РКП»²⁴. Идею Г. Е. Зиновьева поддержал В. М. Молотов, высказавшийся за то, чтобы объединить этот призыв с кампанией, объявленной XIII партконференцией. Свое согласие с озвученными предложениями выразили

Я. Э. Рудзутак, И. В. Сталин и М. П. Томский. 29 января 1924 г. Пленум ЦК принял постановление, в соответствии с которым парткомам вменялось в обязанность в течение трех месяцев провести широкую кампанию по вовлечению в РКП(б) рабочих, непосредственно занятых на производстве. Прием в партию «непролетарских элементов» на это время был приостановлен²⁵.

Постановление Пленума стало немедленно проводиться в жизнь. С первых чисел февраля 1924 г. в партийной печати начали регулярно публиковаться материалы, информировавшие о массовой подаче заявлений и о вступлении рабочих в РКП(б). В течение первых двух недель после смерти В. И. Ленина только в Москве о желании вступить в партию заявили 12 644 чел.²⁶ 11 918 заявлений было подано за это же время рабочими Ленинградского уезда²⁷.

Столь высокие показатели стали возможны во многом благодаря поощрявшейся партией практике коллективной подачи заявлений. Например, в Ростове-на-Дону 5 февраля состоялось собрание рабочих мастерских Владикавказской железной дороги, по итогам которого все три тысячи человек, участвовавшие в нем, приняли решение о вступлении в РКП(б)²⁸. Аналогичный случай произошел в Нижнем Новгороде на заводе «Красная Этна», где из тысячи рабочих сразу 900 чел. изъявили желание коллективно вступить в партию²⁹.

Спустя три недели после начала кампании газета «Правда» опубликовала статью Г. Е. Зиновьева под названием «Новый “ленинский призыв” и новая глава в жизни нашей партии»³⁰. Эта публикация стала первой, в которой массовому приему рабочих в РКП(б) было официально присвоено имя В. И. Ленина. Таким образом авторитет основателя и вождя партии, в последние годы жизни настойчиво требовавшего осуществлять строго индивидуальный прием в РКП(б), был использован его товарищами по партии в совершенно противоположных целях.

Смерть В. И. Ленина, которого знали, уважали и боготворили многие трудящиеся, вызвала в СССР настроение, можно сказать, почти всеобщей скорби. Эту атмосферу грамотно поддерживали вся партийно-советская печать и пропагандистский аппарат. На заводах и фабриках проводились собрания и митинги. На них рабочих призывали восполнить понесенную коммунистами «огромную утрату» массовым вступлением в РКП(б). Серьезный психологический эффект имели выступления перед трудящимися коммунистов и беспартийных, которые принимали участие в траурной церемонии прощания с вождем. Кончина В. И. Ленина стала главной объективной причиной, вызвавшей желание рабочих выразить свою солидарность с РКП(б), в том числе вступлением в ее ряды.

Рассмотрением индивидуальных и коллективных заявлений о вступлении в РКП(б) занимались созданные при партийных комитетах специальные комиссии. Советские историки утверждали, что эти комиссии осуществляли тщательный отбор, в обязательном порядке рассматривая каждую кандидатуру в отдельности, что якобы позволило принять в РКП(б) «лучших» и «отказать недостойным».

Однако информационные обзоры ЦК и даже материалы периодической печати того времени свидетельствуют о том, что в ходе ленинского призыва никаких серьезных фильтров на входе в РКП(б), за исключением выяснения социального положения, на самом деле не существовало. В погоне за количественными показателями и высокими темпами приема комиссии учитывали главным образом так

называемый род занятий, в меньшей степени обращая внимание на остальные характеристики подавших заявление.

О завершении кампании по приему в партию по ленинскому призыву объявил состоявшийся в конце мая 1924 г. XIII съезд РКП(б), хотя в отдаленных районах СССР она продолжалась до августа 1924 г. Всего за полгода заявления о вступлении в РКП(б) подали почти 300 тыс. чел. Но выяснить точно, сколько заявлений было одобрено комиссиями и сколько человек принято в партию, не представляется возможным, поскольку даже официальные данные по этому вопросу значительно расходятся.

Первым статистику о ленинском призыве озвучил выступивший на XIII партсъезде с докладом мандатной комиссии заведующий организационно-распределительным отделом, кандидат в члены ЦК РКП(б) Л. М. Каганович. Он сообщил, что кандидатами в члены партии приняты 241 591 чел.³¹ По сведениям статистического отдела ЦК, опубликованным в октябре того же года, за февраль–май 1924 г. численность кандидатов в члены РКП(б) выросла на 180 тыс. чел.³² В специальном сборнике о ленинском призыве, изданном в 1925 г., содержится информация о 203 тыс. рабочих, принятых в партию до 1 августа 1924 г.³³

Приведенная статистика, несмотря на ее расхождения, позволяет сделать вывод, что приток рабочих в РКП(б) был очень высоким и превзошел планы годичной давности. Правда, рабочими «от станка» оказались на самом деле только 93,8 % кандидатов в члены партии ленинского призыва³⁴. Тем не менее количество и удельный вес рабочих в РКП(б) резко увеличились. По данным на 1 декабря 1923 г., в партии состояли 75,4 тыс. рабочих, непосредственно занятых на производстве (17,2 % численности партии), на 1 июня 1924 г. — уже 245,5 тыс. (38,8 %). Общая же численность РКП(б) к 1 августу 1924 г. достигла 666,9 тыс. чел.³⁵

По мнению советских исследователей, массовое вступление рабочих в РКП(б) привело к качественному улучшению состава коммунистических рядов, «укреплению организационного и идеологического единства» партии, заметному повышению ее авторитета среди трудящихся. Такая оценка ленинского призыва является апологетической и весьма односторонней. Она не отражает всей противоречивости реальной ситуации.

С одной стороны, статистика руководящих кадров свидетельствует о том, что к XV съезду ВКП(б), состоявшемуся в конце 1927 г., доля коммунистов с партийным стажем не ранее 1924 г. среди членов волостных партийных комитетов равнялась 52,4 %, уездных — 40,2 %, окружных — 27,2 %, губернских и областных — 22,6 %³⁶. Это означает, что коммунисты ленинского призыва за короткий срок смогли занять серьезные позиции не только в низовом, но и в среднем звене партийного руководства, хорошо вписались в существующую политическую систему.

Столь же успешно проходило их продвижение по служебной лестнице в кооперации, хозяйственных органах и в Советах. Во многом такой результат был достигнут благодаря тому, что не имевшие достаточного политического и социального опыта «молодые» коммунисты оказались податливым человеческим материалом, из которого руководство РКП(б) успешно готовило кадры не только рядовых и унтер-офицеров, но и обер- и штаб-офицеров новой партийной гвардии. Они никогда не подвергали сомнению и не противопоставляли себя политическому

курсу, который задавал И. В. Сталин, а в большинстве своем самозабвенно проводили в жизнь генеральную линию партии.

С другой стороны, уже летом 1924 г. парторганизации столкнулись с целым рядом проблем, вызванных быстрым ростом численности партии за счет рабочих «от станка». Наиболее острыми из них являлись элементарная неграмотность части «ленинцев», плохое усвоение ими партийных норм и правил, несоблюдение внутрипартийной дисциплины, конфликты со «старыми» членами партии и, самое главное, задержка с переходом из кандидатов в члены партии. Согласно партийному Уставу продолжительность кандидатского стажа определялась в шесть месяцев. Следовательно, своеобразный испытательный срок, который должны были пройти «молодые» кандидаты, закончился не позднее февраля 1925 г.

На самом же деле многие принятые в партию по ленинскому призыву продолжали оставаться в статусе кандидата в члены РКП(б) еще не один год. В январе 1926 г. их количество равнялось примерно 116,5 тыс. чел., а доля в числе кандидатов в члены РКП(б) составляла 28,4 %, в январе 1927 г. — соответственно 41,6 тыс. чел. и 11,2 %. Причины сохранения так называемого кандидатского хвоста заключались прежде всего в общей и политической малограмотности и пассивности самих кандидатов.

О наличии трудностей с адаптацией партийной «молодежи» Центральному комитету было хорошо известно. Поэтому когда в январе 1925 г. в связи с годовщиной смерти В. И. Ленина некоторые парткомы проявили инициативу по организации «второго ленинского призыва», ЦК занял осторожную позицию. Не объявляя новой кампании по массовому приему беспартийных в РКП(б) во всесоюзном масштабе, ЦК в то же время не препятствовал проведению аналогичных акций в наиболее крупных организациях европейской части России. По решению Московского комитета партии в начале января при районных и уездных комитетах вновь были созданы специальные комиссии. Последним в отличие от комиссий, работавших в 1924 г., было поручено осуществлять прием в РКП(б) строго в соответствии с партийным Уставом, предъявляя к рабочим требование о предоставлении рекомендаций двух коммунистов³⁷.

Широко используемым приемом вербовки пролетариев в партию стала публикация в «Правде» информации о результатах кампании 1924 г., пропагандистских статей о ее роли и значении, а также писем самих «ленинцев» с призывом к беспартийным снова и снова «пополнять ряды ленинской партии». В результате с 13 по 25 января только в одном Замоскворецком районе Москвы было подано 4,2 тыс. заявлений о вступлении в РКП(б)³⁸. Всего в столице за время кампании о желании вступить в партию заявили 19,2 тыс., а в уездах Московской губернии — 9,7 тыс. чел. Из их числа приняты кандидатами в члены партии были соответственно 12,9 тыс. и 5,8 тыс. чел.³⁹

Одновременно «второй ленинский призыв» был проведен в Ленинградской партийной организации. Здесь в течение января 1925 г. было подано 14,8 тыс. заявлений о вступлении в партию, что примерно в пять раз превышало среднемесячный показатель. Во многом благодаря этой кампании в январе кандидатами в члены РКП(б) в Ленинградской губернии были приняты 4,1 тыс., в феврале — 5,1 тыс. чел.⁴⁰

Однако распространить «второй ленинский призыв» на РКП(б) в целом ЦК партии тем не менее не решился. В конце января 1925 г. уже приступивший к проведению кампании Алтайский губком, а также Сибирский крайком РКП(б) получили шифротелеграмму за подписью секретаря ЦК Л. М. Кагановича, в которой разъяснялось, что прием в партию следует осуществлять исключительно «в порядке повседневной систематической работы»⁴¹. В апреле 1925 г. эта установка была официально подтверждена решением XIV конференции РКП(б), потребовавшей «безусловно прекратить кампании массовых вербовок в партию как в городе, так и в деревне»⁴².

Неспособность части вступивших в партию рабочих адаптироваться к новым политическим условиям обусловила относительно высокий процент их выбывания из РКП(б). Уже с конца 1924 г. парткомы стали фиксировать факты как исключения, так и добровольного выхода «ленинских призывников» из РКП(б). Сознывая нежелательность такого явления, партийные комитеты всех уровней старались, как правило, умалчивать о его масштабах и скрывать истинные причины. Не указывая точных цифр, ЦК и ЦКК РКП(б) называли исключение и выход рабочих из РКП(б) «незначительными», носившими «характер вполне здорового процесса отцеживания от партии менее устойчивого, менее ценного и полезного элемента». Признавая, что в некоторых губерниях доля вышедших из партии рабочих достигла 10 %, ЦК тем не менее утверждал, что по СССР «размеры этого отсеивания не достигают в среднем и 3 %»⁴³. Однако данные официальной статистики свидетельствуют о том, что приведенные цифры не соответствуют действительности. Ее анализ позволяет утверждать, что доля выбывших составила не менее 16 % всех кандидатов в члены РКП(б) ленинского призыва 1924 г.

Первая кампания ленинского призыва серьезно исчерпала тот потенциал, которым располагал пролетариат в качестве резерва коммунистической партии. Поэтому ее завершение закономерно привело к резкому сокращению темпов приема рабочих, что в свою очередь повлияло на их удельный вес в ВКП(б). По данным текущей статистики, с января 1925 г. по январь 1927 г. доля рабочих «от станка» в партии сократилась с 40,8 до 38,1 %⁴⁴, хотя и эти цифры, судя по всему, были завышенными.

Октябрьский призыв. Проведенная в начале 1927 г. Всесоюзная партийная перепись показала, что из 1144,1 тыс. членов и кандидатов в члены ВКП(б) рабочими, непосредственно занятыми на производстве, являлись на самом деле только 343,2 тыс. чел., т. е. 30 % охваченных переписью⁴⁵. Эти данные серьезно обеспокоили Политбюро ЦК. Для исправления положения 13 октября 1927 г. оно приняло постановление «О регулировании роста партии в связи с итогами переписи». Парторганизациям предписывалось усилить работу по приему в ВКП(б) промышленных рабочих с таким расчетом, чтобы в течение двух лет они составили «не менее половины общего состава партии»⁴⁶.

Осознание того, что при сохранении прежних темпов приема рабочих в ВКП(б) выполнить план не удастся, побудило высшее партийное руководство вновь обратиться к мобилизационным методам. Благоприятным поводом для очередного призыва в ВКП(б) стал десятилетний юбилей Октябрьской революции. 4 ноября 1927 г. ЦК постановил организовать «широкое вовлечение в партию рабочих

и работниц»⁴⁷. В прессе вновь была развернута масштабная агитационно-пропагандистская кампания, по своему эмоциональному окрасу, однако, резко отличавшаяся от аналогичной акции 1924 г.

На этот раз ВКП(б) принимала беспартийных в свои ряды в атмосфере праздника, демонстрировавшего гордость за советскую власть и большевистскую партию, а призыв в ее ряды интерпретировался как возможность разделить с коммунистами радость по поводу столь знаменательного события и достигнутых под руководством ВКП(б) успехов. Основными трансляторами этих идей в народные массы, наряду с партийно-советской прессой, стали сотрудники окружных и районных комитетов партии, специально направленные в нижестоящие парторганизации для того, чтобы обеспечить выполнение директивы ЦК от 4 ноября.

Октябрьский призыв продолжался с ноября 1927 по январь 1928 г. На протяжении этих трех месяцев газеты «Правда» и «Известия ВЦИК» регулярно публиковали сведения о количестве подавших заявления о вступлении в ВКП(б), качественном составе заявителей, мотивах, побудивших их принять такое решение, и численности принятых отдельными партийными организациями. Во многом благодаря интенсивной информационной и агитационно-пропагандистской работе, развернутой на страницах центральной и местной периодической печати, к 18 ноября о своем желании вступить в партию заявили 30,3 тыс. чел.⁴⁸, а к 22 ноября — уже 40,1 тыс. чел.⁴⁹ Всего же за время кампании было подано 153,6 тыс. заявлений о вступлении в ВКП(б)⁵⁰.

При рассмотрении заявлений комиссии наряду с социальным положением в обязательном порядке учитывали также участие в общественной работе. Введение такого критерия было обусловлено тем, что ЦК партии учел опыт ленинского призыва и попытался предотвратить вступление в ВКП(б) так называемых пассивных элементов. Однако, несмотря на более строгий отбор кандидатов, процент принятых оказался в итоге даже выше, чем в 1924 г. Кандидатами в члены ВКП(б) были утверждены 108,1 тыс. чел., или 70,4 % подавших заявления. Из них 27,1 тыс. чел. пришлось на 9 промышленных и 13,6 тыс. чел. — на 13 земледельческих губерний европейской России. Еще 8,3 тыс. были приняты в партию в Уральской области, 6,3 тыс. — в Северо-Кавказском крае и 5,4 тыс. — в Сибирском крае⁵¹.

Сведения, аккумулированные в начале 1928 г. статистическим отделом ЦК, позволяют сделать вывод, что учет комиссиями по приему в ВКП(б) такого критерия, как участие в общественной работе, дал положительные результаты. Из 108,1 тыс. принятых 76,4 тыс. чел. до вступления в партию выполняли разного рода обязанности в составе советских и профсоюзных органов, кооперативных, комсомольских и общественных организаций, различных комиссий или делегатских собраний⁵². Это упрощало их адаптацию к новым политическим условиям и тем самым облегчало подготовку для своевременного принятия значительной части кандидатов октябрьского призыва в действительные члены ВКП(б).

В то же время уровень политической грамотности рабочих, принятых в партию в ходе кампании, оставался довольно низким. Ко времени вступления в ВКП(б) только 25,6 тыс. чел. из них прошли обучение в школах политграмоты⁵³. Остальные имели лишь самое поверхностное представление о программе и тактике партии. Незнание большинством кандидатов в члены ВКП(б) октябрьского призыва

истории большевистской партии и истинных причин внутривнутрипартийной борьбы были использованы И. В. Сталиным и его сторонниками для дискредитации противников Генерального секретаря, прежде всего Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева.

Не случайно информация о первых результатах октябрьского призыва вполне осмысленно и целенаправленно публиковалась в центральных изданиях одновременно с критическими статьями об оппозиции. Причем массовое вступление в ВКП(б) кадровых рабочих из промышленности, как и в 1924 г., интерпретировалось партийными и советскими газетами как «ответ на раскольничью работу оппозиции»⁵⁴.

Успешный ход кампании по призыву был высоко оценен руководством партии и советского правительства. Выступая 2 декабря 1927 г. на XV съезде, член Политбюро ЦК, председатель Совнаркома СССР А. И. Рыков говорил: «В этом новом притоке рабочих в партию с полной наглядностью проявляется тот факт, что наша партия и рабочий класс живут одной и той же жизнью, что борьба нашей партии, авангарда рабочего класса, есть борьба рабочего класса в целом. Октябрьский призыв рабочих в ВКП(б) и результаты обсуждения линии партии показывают и подтверждают незыблемое единство Коммунистической партии и рабочего класса, крепость диктатуры пролетариата, силу и мощь Республики Советов»⁵⁵.

Еще до завершения октябрьского призыва в ЦК партии осознали необходимость проведения специальной работы по политической и идеологической подготовке новых кандидатов для вступления в члены ВКП(б). В соответствии с решением, принятым в декабре 1927 г. агитационно-пропагандистским отделом ЦК, всю сеть партийного просвещения рекомендовалось поставить «на службу этой задаче как первоочередной»⁵⁶. Признав неоднородность состава «молодых» коммунистов октябрьского призыва, агитпропотдел ЦК рекомендовал парткомам использовать для решения этой проблемы разные ступени существовавшей системы партийного образования: полные и сокращенные школы политграмоты, кружки текущей политики, кружки ленинизма.

Вербовочный метод приема в ВКП(б) и в основном слабая политическая подготовка кандидатов в члены партии октябрьского набора обусловили не заставивший себя долго ждать отток этих рабочих из партии. Точные сведения о числе выбывших в доступных источниках отсутствуют. Однако по данным статистического отдела ЦК в первом полугодии 1928 г. процент механических и добровольных выходов из ВКП(б) по сравнению с аналогичным периодом 1927 г. заметно вырос⁵⁷.

К 1 апреля 1928 г. общая численность ВКП(б) достигла 1294,5 тыс. чел.⁵⁸ Из них 529,2 тыс. являлись рабочими «от станка»⁵⁹, что составляло примерно 40,9 % всех членов и кандидатов в члены партии. Однако уже к 1 июля 1928 г. их доля в составе ВКП(б) вновь уменьшилась, сократившись до 39,4 %⁶⁰. Пытаясь установить причины негативной тенденции, в октябре 1928 г. статистический отдел ЦК провел тщательное изучение динамики численности и состава партии за предшествующие четыре года. Проведенный анализ показал, что после кампаний массового призыва парторганизации были вынуждены непропорционально много внимания уделять политическому просвещению «новобранцев» и их последующему выдвижению на партийную, советскую и профсоюзную работу. В результате «наступало затишье

в деле вовлечения рабочих, и прорывался самотек в партию служащих и прочих».

Поэтому, признав большое значение ленинского и октябрьского призывов для увеличения рабочего ядра в партии, статистический отдел ЦК тем не менее пришел к выводу, что в дальнейшем «вовлечение рабочих в партию в порядке кампаний вряд ли жизненно и целесообразно»⁶¹. Состоявшийся в ноябре 1928 г. пленум ЦК солидаризировался с выводами своего статистического отдела, рекомендовав впредь осуществлять прием в ВКП(б) исключительно в индивидуальном порядке⁶². Благодаря этому решению октябрьский призыв стал последней в истории массовой кампанией по вовлечению беспартийных в РКП(б) — ВКП(б).

* * *

Массовые кампании по вовлечению беспартийных в РКП(б) — ВКП(б) в первые годы советской власти инициировались руководством партии. Они являлись форсированной и в значительной мере упрощенной формой пополнения коммунистических рядов. Самыми крупными акциями такого рода стали «партийные недели» второй половины 1919–1920 г., ленинский 1924 г. и октябрьский 1927 г. призывы. Во время первой из них разрешалось не соблюдать две важнейшие нормы партийного Устава: допускался прием в нее не по индивидуальным, а по коллективным заявлениям и без рекомендации действительных членов партии, во время второй — вступали в партию как индивидуально, так и коллективно, причем в отдельных случаях без рекомендации членов РКП(б), имевших соответствующий партийный стаж.

Во всех названных случаях непосредственные причины, по которым руководство РКП(б) — ВКП(б) прибегало к использованию неуставных форм пополнения партийных рядов, открыто и широко объявлялись. Это были угроза поражения советской власти в Гражданской войне, кончина В. И. Ленина и десятилетняя годовщина Октябрьской революции.

Механизмы и практики, которые применялись при проведении кампаний по массовому приему в коммунистическую партию, поддаются научной реконструкции. Можно утверждать, что руководство и аппарат РКП(б) — ВКП(б) использовали весь имевшийся в их распоряжении арсенал партийных и государственных средств, инструментов и форм: организационных, агитационно-пропагандистских, моральных, психологических и даже провокативных.

Намного сложнее оказалось выяснить реальные цели, задачи и результаты массовых призывов в партию. Трудности возникли из-за того, что не только пропагандистские, но и директивные, аналитические и отчетные материалы, содержащие обобщающую информацию об этих кампаниях, закамуфлированы коммунистической риторикой и пронизаны интерпретациями, которые существенно усложняют анализ объективной реальности. Для преодоления этого «барьера» приходилось выявлять и использовать первичные данные, в меньшей степени подвергшиеся политико-идеологическим деформациям.

Официально провозглашенной целью «партийных недель» являлось увеличение численности коммунистических рядов, тогда как ленинского и октябрьского призывов — увеличение численности и удельного веса в РКП(б) только пролетариев, наращивание в ней так называемого рабочего ядра. В соответствии с целевой

установкой социальные группы и категории населения, на которые распространялись преференции, тоже различались. Во время «партийных недель» это были пролетарии, красноармейцы, трудящиеся крестьяне, женщины, молодежь, в ходе ленинского призыва — пролетарии, занятые в промышленности (рабочие «от станка»), во время октябрьского призыва — кадровые рабочие, причем приоритет отдавался тем из них, кто зарекомендовал себя как околопартийный активист. Иначе говоря, ставка всегда делалась на социальные низы, но в условиях новой экономической политики — более четко маркированные в социальном и политическом отношениях.

В общей сложности с октября 1919 по январь 1928 г. в ходе кампаний массового призыва в коммунистическую партию было принято не меньше полумиллиона человек. Тем самым эти люди в кратчайший срок изменили свой социальный статус. Более того, они оказались в самом привлекательном и скоростном в Советском Союзе социальном лифте, благодаря которому получили уникальную возможность для карьерного роста по партийной, советской и профсоюзной линиям.

Одновременно И. В. Сталин и его сторонники использовали ленинский и октябрьский призывы для решения еще нескольких актуальных с их точки зрения задач. «Молодые» и не очень грамотные коммунисты стали надежной опорой Генерального секретаря в борьбе сначала с троцкистской, а затем и с объединенной троцкистско-зиновьевской оппозицией. Форсированное вступление в партию пролетариев привело к сокращению в ней удельного веса интеллигенции и служащих, к уменьшению роли и влияния в ВКП(б) того слоя большевиков, который В. И. Ленин называл «старой партийной гвардией».

Снижение требований к вступающим в коммунистическую партию в условиях Гражданской войны хотя и ухудшило ее качественный состав, но оправдало себя ростом ее рядов. Искусственное увеличение численности партии во время нэпа в основном за счет малограмотной пролетарской массы было плохо мотивировано. Оно обусловило резкое снижение образовательного, интеллектуального, идейно-теоретического и морального уровня членов РКП(б) — ВКП(б). Выяснилось, что инспирированная властью мобильность носит очень неустойчивый, можно даже сказать — маятниковый характер. Тысячи рабочих, так и не сумев закрепиться в партии, покинули ее ряды. Последнее обстоятельство снижало эффективность массовых призывов и побудило Центральный комитет отказаться от такого способа пополнения коммунистических рядов.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

² Поляков Ю. А. Партийная неделя в Москве в октябре 1919 г. // Исторические записки. М., 1949. Т. 30. С. 121–139; Костыгова З. П. Ленинский призыв в партию (1924 год). М., 1949; Горбачев В. Д. Октябрьский призыв в ВКП(б) (1927 год): дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; Пешников В. В. Ленинский призыв в партию и идейно-политическое воспитание коммунистов. М., 1954.

³ Соколова Е. К. Ленинский призыв в партию и его историческое значение // Великие идеи Ленина претворяются в жизнь. М., 1961. С. 20–42; Горлов П. М. Ленинский призыв. М., 1962; Потанов П. А. 1) Ленинский призыв и вопросы партийного строительства в Сибири (1924–

1925 г.): автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 1963; 2) Коммунисты ленинского призыва. Новосибирск, 1968; и др.

⁴ *Загоскина И. В.* Партийная неделя // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 890 (впоследствии эта статья неоднократно переиздавалась в других энциклопедических изданиях без указания фамилии ее автора); *Верховцев И. П., Соколова Е. К.* Коммунисты двадцать четвертого. О ленинском призыве в партию. М., 1973; *Соколова Е. К.* Историческое значение ленинского призыва в РКП(б): учеб. пособие. М., 1975; и др.

⁵ *Carr E. H.* The Interregnum 1923–1924. London, 1954. P. 362–363; *Ennker B.* Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Köln, 1997. S. 305–309; *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997. С. 138.

⁶ *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»: партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 331–335.

⁷ *Тяжельникова В. С.* Ленинский призыв 1924–1925 годов: новые люди, новые модели политического поведения // Социальная история. Ежегодник — 2008. СПб., 2009. С. 135.

⁸ Резолюция «По организационному вопросу» // Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 423.

⁹ О партийной неделе // Известия ЦК РКП(б). 1919. 30 сент.

¹⁰ Правда. 1919. 9 и 14 окт.

¹¹ *Ткачев В. И.* Формирование советской политической системы: октябрь 1917 — 1930-е годы (на материалах Поволжья). Саратов, 2005. С. 129.

¹² *Поляков Ю. А.* Партийная неделя в Москве в октябре 1919 г. ... С. 123.

¹³ Известия ЦК РКП(б). 1920. 24 марта; Девятый съезд РКП(б). Март–апрель 1920 г. М., 1934. С. 546–549.

¹⁴ *Сафронова Ю. А.* «Партийные недели» в Сибири в период военного коммунизма: особенности проведения и итоги // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2015. С. 161–168.

¹⁵ *Ленин В. И.* Полное собр. соч. Т. 39. М., 1970. С. 233–234.

¹⁶ Там же. С. 234.

¹⁷ Известия ЦК РКП(б). 1920. 24 марта; Девятый съезд РКП(б). С. 548.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Ленин В. И.* Полное собр. соч. Т. 39. С. 235.

²⁰ Девятый съезд РКП(б). С. 550.

²¹ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 166. Л. 9–16.

²² Тринадцатая конференция РКП(б). М., 1924. С. 124, 126.

²³ Резолюция «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1922–1925. М., 1984. С. 157.

²⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22. Д. 122. Л. 2.

²⁵ О приеме рабочих от станка в партию // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 184.

²⁶ 12 644 новых членов партии // Правда. 1924. 5 февр.

²⁷ В Ленинграде // Правда. 1924. 6 февр.

²⁸ По СССР // Правда. 1924. 7 февр.

²⁹ Нижний Новгород // Правда. 1924. 5 февр.

³⁰ Новый «ленинский призыв» и новая глава в жизни нашей партии // Правда. 1924. 17–19 февр.

³¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924. Стенографический отчет. М., 1963. С. 529.

³² Движение численного состава РКП(б) за период с 1 января по 1 июля 1924 г. // Известия ЦК РКП(б). 1924. № 2. С. 7.

³³ Ленинский призыв РКП(б): сборник. М.; Л., 1925. С. 13.

³⁴ К XIV Всесоюзной партконференции // Известия ЦК РКП(б). 1925. № 15–16. С. 7.

³⁵ РКП(б) в цифрах. Вып. 2. М., 1924. С. 7, 22; Вып. 3. М., 1925. С. 2, 13.

³⁶ *Дмитриенко С. Л.* Состав местных партийных комитетов в 1924–1927 гг. // Исторические записки. М., 1966. Т. 79. С. 102.

- ³⁷ В ленинские дни двери партии открыты для рабочих // Правда. 1925. 3 янв.
- ³⁸ Хинский И. 2-й ленинский призыв в Замоскворечье // Правда. 1925. 22 февр.
- ³⁹ Московская организация РКП(б) в цифрах. Вып. 1. М., 1925. С. 23.
- ⁴⁰ Ленинградская губернская организация РКП(б) в 1925 году. Статистический обзор. Л., 1926. С. 11, 15.
- ⁴¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-2. Оп. 6. Д. 27. Л. 25.
- ⁴² Резолюция «О партийном строительстве // Четырнадцатая конференция РКП(б). М., 1925. С. 285.
- ⁴³ Ленинский призыв РКП(б): сборник. М.; Л., 1925. С. 35.
- ⁴⁴ РКП(б) в цифрах. Вып. 3. М., 1925. С. 13; ВКП(б) в цифрах. Вып. 7. М.; Л., 1927. С. 12–13.
- ⁴⁵ Всесоюзная партийная перепись 1927 г. Вып. 3. М., 1927. С. 8.
- ⁴⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 655. Л. 19.
- ⁴⁷ О широком вовлечении в партию рабочих и работников в связи с десятой годовщиной Октябрьской революции // Известия ЦК ВКП(б). 1927. № 41. С. 11.
- ⁴⁸ Перед XV партсъездом // Известия ВЦИК. 1927. 18 нояб.
- ⁴⁹ Лучшие пролетарии пополняют ряды партии Ленина // Правда. 1927. 22 нояб.
- ⁵⁰ ВКП(б) в цифрах. Вып. 8. М., 1928. С. 18.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 19.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ См., напр.: Лучше рабочие и работницы — в партию Ленина // Известия ВЦИК. 1927. 15 нояб.
- ⁵⁵ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1928. С. 3.
- ⁵⁶ О партийно-воспитательной работе с Октябрьским призывом // Правда. 1927. 23 дек.
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 565. Л. 18.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 7. Д. 150. Л. 235.
- ⁵⁹ Там же. Д. 144. Л. 12.
- ⁶⁰ Партия в цифрах // Известия ЦК ВКП(б). 1928. № 31. С. 19.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 144. Л. 14–15.
- ⁶² О вербовке рабочих и регулировании роста партии // Известия ЦК ВКП(б). 1928. № 35. С. 12.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Морозова Т. И., Шишкин В. И. Призывы беспартийных в РКП(б) — ВКП(б) во время Гражданской войны и новой экономической политики: феномен инспирированной мобильности // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 31–50.
УДК 329.15(470)«1919/1928»

Аннотация: Статья посвящена кампаниям массового призыва беспартийных в РКП(б) — ВКП(б), практиковавшимся в РСФСР, а потом и в СССР. Впервые такой метод пополнения коммунистических рядов был апробирован в конце 1919 г. и получил название «партийная неделя». Впоследствии наиболее известными и масштабными его вариантами стали ленинский призыв 1924 г. и октябрьский призыв конца 1927 — начала 1928 г. Идентичность главных целей — увеличение численности партии при одновременном изменении ее социального состава — позволяет рассматривать эти кампании как однопорядковые явления, имевшие преемственность и внутреннее единство. В статье впервые в отечественной историографии «партийные недели», ленинский и октябрьский призывы в коммунистическую партию исследованы сквозь призму социальной мобильности, сознательно инспирированной центральной властью. Проанализированы обстоятельства и причины, обусловившие необходимость и возможность использования массовых призывов, цели этих кампаний, механизмы и инструменты, которые применялись

для их достижения, а также результаты названных акций. Выяснено, что в общей сложности с октября 1919 г. по январь 1928 г. в ходе призывных кампаний в партию было принято около полумиллиона человек. Высказана гипотеза, что инспирированная властью мобильность являлась разновидностью социального инжиниринга. Доказано, что она носила неустойчивый характер, поскольку была жестко ориентирована на социальные низы, имевшие низкий уровень общей и политической грамотности и культуры, не отличавшиеся конструктивной социальной активностью. В результате тысячи человек, вступивших в ходе призывов в партию, так и не сумели закрепиться в ней, вышли или были исключены из нее. Последнее обстоятельство существенно снижало эффективность массовых призывов и побудило руководство ВКП(б) отказаться от такого способа пополнения коммунистических рядов.

Ключевые слова: коммунистическая партия, «партийные недели», ленинский призыв, октябрьский призыв, социальная мобильность, инспирированная мобильность.

Сведения об авторах: Морозова Т. И. — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития, Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия); mti137@yandex.ru | Шишкин В. И. — доктор исторических наук, заведующий сектором истории общественно-политического развития, Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия); patric@academ.org

FOR CITATION

Morozova T. I., Shishkin V. I. Non-Party Citizens Joining to the Russian Communist Party during the Civil War and NEP: Phenomenon of the Inspired Mobility, *Modern History of Russia*, no. 1, 2017. P. 31–50.

Abstract: The article describes the mass Party-call campaigns of non-party citizens within the Russian Communist Party (bolsheviks) — All-Union Communist Party (bolsheviks), implemented in RSFSR and after in USSR. For the first time this method of replenishing of the Communist Party has been introduced in the end 1919 and was named a "Party's Week". Later, the most famous and large-scale versions became "Lenin's call" in 1924, and the "October call" in the end of 1927 — beginning of 1928. Similarities in the main goals — increase of the number of Party members and, at the same time, change of its social composition — let us consider these campaigns as the same phenomena that had continuity and internal unity. In the article, for the first time in the Russian historiography "Party's Weeks", "Lenin's call" and the October call for joining the Party are considered through the prism of social mobility, intentionally inspired by the central government. The article analyzes circumstances and reasons that stated necessity and possibility for using mass Party calls, and the objectives of these campaigns, mechanisms and tools, and the results of these campaigns. The article states that from October 1919 to January 1928 about half a million of citizens joined the Communist Party. A hypothesis is made that the mobility inspired by the government was a type of social engineering. Such mobility was unstable because it focused strictly on the social rank and file who had a low level of general and political literacy and culture, and wasn't characterized by constructive social activity. As a result, thousands of citizens, who joined the Party, didn't manage to stay in it, exited or were excluded. The latter circumstance significantly reduced the efficiency of mass Party-call campaigns and prompted the leadership of the All-Union Communist Party (bolsheviks) to abandon this method of replenishing the communist ranks.

Keywords: Communist party, "Party's Weeks", Lenin's call, October call, social mobility, inspired mobility.

Authors: Morozova T. I. — Candidate of History, Research Assistant, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); mti137@yandex.ru | Shishkin V. I. — Doctor of History, Head of Department, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); patric@academ.org

References:

Carr E. H. *The Interregnum 1923–1924* (London, 1954).
Dmitrienko S. L. 'Sostav mestnykh partijnykh komitetov v 1924–1927 gg.' *Istoricheskie zapiski*, Vol. 79 (Moscow, 1966).

- Ennker B. *Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion* (Köln, 1997).
- Gorbachev V. D. *Oktjabskij prizyv v VKP(b) (1927 god)* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 1953).
- Gorlov P. M. *Leninskij prizyv* (Moscow, 1962).
- Khinskiy I. '2-j leninskij prizyv v Zamoskvorechie', *Pravda*, 1925, 22 February.
- Kostygova Z. P. *Leninskij prizyv v partiju (1924 god)* (Moscow, 1949).
- Pavlyuchenkov S. A. "Orden mechenoscev": *partija i vlast posle revoljucii. 1917–1929 gg.* (Moscow, 2008).
- Peshnikov V. V. *Leninskij prizyv v partiju i idejno-politicheskoe vospitanie kommunistov* (Moscow, 1954).
- Polyakov Yu. A. 'Partijnaja nedelja v Moskve v oktjebre 1919 g.', *Istoricheskie zapiski*, Vol. 30 (Moscow, 1949).
- Potapov P. A. *Kommunisty leninskogo prizyva* (Novosibirsk, 1968).
- Potapov P. A. *Leninskij prizyv i voprosy partijnogo stroitelstva v Sibiri (1924–1925 gg.)* [Candidate of History Dissertation] (Tomsk, 1963).
- Safronova Yu. A. "Partijnye nedeli" v Sibiri v period voennogo kommunizma: osobennosti provedenija i itogi' *Aktualnye problemy istoricheskikh issledovanij: vzgljad molodykh uchenykh* (Novosibirsk, 2015).
- Sokolova E. K. 'Leninskij prizyv v partiju i ego istoricheskoe znachenie' *Velikie idei Lenina pretvorjajutsja v zhizn* (Moscow, 1961).
- Sokolova E. K. *Istoricheskoe znachenie leninskogo prizyva v RKP(b): uchebnoe posobie* (Moscow, 1975).
- Tkachev V. I. *Formirovanie sovetskoj politicheskoy sistemy: oktjabr 1917–1930-e gody (na materialakh Povolzhya)* (Saratov, 2005).
- Tumarkin N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoj Rossii* (St. Petersburg, 1997).
- Tyazhelnikova V. S. 'Leninskij prizyv 1924–1925 godov: novye ljudi, novye modeli politicheskogo povedenija' *Socialnaja istorija. Ezhegodnik-2008* (St. Petersburg, 2009).
- Verkhovzev I. P., Sokolova E. K. *Kommunisty dvadcat chetvertogo. O leninskom prizyve v partiju* (Moscow, 1973).
- Zagoskina I. V. 'Partijnaja nedelja' in *Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija*, Vol. 10 (Moscow, 1967).